

Н. С. Бондарь³

КОНСТИТУЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ: СООТНОШЕНИЕ ДИНАМИЗМА И СТАБИЛЬНОСТИ

В условиях современных государственно-правовых систем вопрос о самом понимании конституции, как

и о соотношении ее стабильности и динамизма, во многом является отражением диалога англо-саксонской и романо-германской правовых культур. Если англо-саксонская правовая культура основана на прецедентном праве и, реализуя традиции судебного правотворчества, исходит из того, что сами по себе условия жизни, а не только формально-юридические факторы, устремления законодателя лежат в основе развития правовых систем, то романо-германская правовая традиция придерживается принципа примата закона и, соответственно, предполагает признание ведущей, приоритетной роли законодателя в установлении и изменении законодательной основы общественных отношений. Это важно иметь в виду, учитывая и то обстоятельство, что получившие более двух веков назад формально-юридическое признание ценности парламентаризма, разделения властей, как и вечные, священные ценности свободы, равенства, справедливости, прав частной собственности, неприкосновенности личности, других прав человека и гражданина, не остаются неизменными и могут пониматься различным образом в странах, принадлежащих к тому или иному типу правовой культуры.

По какой Конституции живет сегодня Россия? *Это прежняя Конституция XX века, принятая в 1993 году*

³ Судья Конституционного Суда РФ, заведующий кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации»; «Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ)»; «Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России»; «Конституционная ценность избирательных прав граждан России»; «Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия»; «Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия» и др. Автор-учредитель постоянно действующей серии изданий «Библиотечка судебного конституционализма». Награжден Орденом Почета, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, Почетной грамо-

той Президента РФ, ведомственными и региональными государственными наградами.

в условиях военного противостояния законодательной и исполнительной властей, когда общество было в шаге от гражданской войны, или это Конституция России XXI века, Основной закон общества, устремленного в будущее, поставившего — и уже сегодня решающего — задачи модернизации социальной, экономической, политической, правовой жизни?

Ответы на эти «простые» вопросы автор обязан формулировать исключительно на юридическом языке. Но при этом нельзя не учитывать, что сама ориентация на юридическую лексику и правовые оценки отнюдь не тождественна чисто формально-юридическому подходу к анализу соответствующего явления. Конституция — при всей космополитичности и юридической заданности этого понятия — представляет собой явление конкретно-историческое, социокультурное, национально-специфическое.

Конечно, действующая Конституция России насчитывает не 200, а «всего лишь» два десятка лет. Но слова «всего лишь» завышены не случайно. В течение прошедших 20 лет после принятия Конституции 1993 года Россия прошла исторический путь к признанию демократических ценностей современного конституционализма, совершила переход от одной социально-экономической и политической формации к другой, равный не одной сотне лет. То же касается и внешнеполитических отношений: новая Россия стала открытым, равноправным, активным членом мирового сообщества в принципиально новых для нее (и, нельзя не отметить, не во всем комфортных) геополитических условиях. Поэтому в российской Конституции спрессован как внутривнутриполитический, так и внешнеполитический исторический опыт, равный отнюдь не 20-летнему периоду ее действия.

Приняв свой Основной закон два десятилетия назад и заложив в его Букву и Дух (!) национально-генетический код конкретно-исторического, социокультурного облика многонационального общества и государства, современная российская Конституция содержит нормативно-правовую энергию собственного развития, преобразования и «взросления» как уникального политико-правового явления, призванного обеспечивать на длительную перспективу юридические и нравственные императивы общества, государства, личности. Поэтому есть все основания исходить из того, что *сегодня Россия находится в конституционно-правовой системе координат XXI века, живет по Конституции не вчерашнего дня, а сегодняшнего завтра.*

В доктринальном плане это означает, что, возможно, одним из главных достоинств Конституции России, принятой в крайне сложных условиях 1993 года, явилось сочетание в ней стабильности и динамизма.

Стабильность Конституции — в ее динамизме

Парадокс данного утверждения, вынесенного в подзаголовок, казалось бы, очевиден, если иметь в виду по крайней мере требования формальной логики: стабильность текста в этом случае отождествляется с его неизменностью, а динамизм, напротив, связывается с переменами, возможностью обновления. При таком подходе в рамках оценки уровня и критери-

ев *стабильности* в качестве едва ли не определяющего фактора называются юридические характеристики конституции (включая Конституцию РФ), касающиеся усложненного порядка внесения в нее поправок и пересмотра. Более того, современному конституционализму известна доктрина так называемой *нерушимости конституции*, связанная с установлением пределов возможного пересмотра текста Основного закона.

При этом возможны по крайней мере два основных подхода к законодательному решению этого вопроса. Один из них — *предметный*, предполагающий указание в тексте конституции на те сферы (институты), которые составляют суть, основу конституционного правопорядка страны и не могут быть изменены путем внесения поправок в конституцию. Такой подход, определяющий предметные (материальные) пределы пересмотра конституции, реализован, например, в Основном законе ФРГ, Конституциях Мексики, Португалии, Италии и др. Иной подход — *структурный* (формально-юридический) — сводится к указанию на конкретные структурные части Конституции (главы, статьи), исключающие возможность внесения в них изменений. В Конституции РФ 1993 года реализован именно этот второй подход: в основу ограничителей на внесение в нее поправок положен такой формально-определенный критерий, как указание на конкретные главы, которые не могут быть пересмотрены (1, 2 и 9). Это позволяет отнести и наш Основной закон к так называемым жестким конституциям (наподобие, например, Конституции США).

Что же касается *динамизма*, то здесь тоже все предельно очевидно: с развитием общества и государства неизбежно возникает необходимость во внесении изменений в текст конституции, несмотря на повышенные гарантии ее стабильности.

Но действительно ли динамизм, развитие конституции должны связываться в своей основе с изменением ее текста? И является ли усложненный порядок внесения изменений, как и определение пределов таковых в рамках доктрины нерушимости конституции, решающей гарантией стабильности конституции? Исследование соответствующих вопросов предполагает в конечном счете уяснение не только юридических, но прежде всего социально-политических, социокультурных предпосылок и условий соотношения стабильности и динамизма конституций современных обществ и государств.

Главная юридическая гарантия стабильности Конституции очевидна — это, как отмечалось, особый, усложненный порядок внесения поправок и пересмотра Конституции.

Что же касается динамизма Конституции России, то сегодня на основе 20-летнего опыта ее реализации можно со всей определенностью отметить, что *речь должна идти как о формально-юридических, так и о социокультурных факторах, социологическом динамизме*. В этом плане сам динамизм Конституции должен связываться прежде всего с ее духом, принципами, ценностями, другими основополагающими конституционными началами, их воплощением в правовой и социальной действительности. Одновременно

это предполагает ее способность быть восприимчивой к конкретно-историческим, социокультурным условиям и, соответственно, возможность всегда быть своевременно прочитанной, понятой и воспринятой современниками как акт своей, а не прошлой эпохи.

Впрочем, это не есть особенность и тем более изобретение России. Для США, например, жесткость их давней и, стало быть, наиболее стабильной конституции является отнюдь не главной гарантией более чем двухвековой сохранности ее текста. Основной парадокс американского конституционализма заключается, пожалуй, в ином: имея весьма архаичный текст, Конституция США (1787) оказалась самой стабильной из всех современных конституций благодаря своей гибкости. Показательно в этом плане мнение Уильяма Джозефа Бреннана, одного из знаменитых судей Верховного суда США (судья в 1956–1990 гг.): «Мы, современные судьи, читаем Конституцию единственно доступным для нас способом — как американцы XX века. Мы учитываем историю ее создания, но главный вопрос в том, что означают ее слова в наше время. *Гениальность Конституции не в неизменности смысла, который она имела в мире, ныне ушедшем в далекое прошлое, но в способности ее основных принципов приспособляться к текущим проблемам и нуждам* (выделено мною. — Н. Б.)»¹.

Это актуально для всех государств и их конституционных систем, основанных на современных конституциях как Основных законах, обладающих высшей юридической силой и являющихся актами прямого действия, а не политическими декларациями.

Сам факт жизни и активного действия Конституции РФ на протяжении двух судьбоносных десятилетий позволяет сделать вывод, что *политико-правовой режим российского конституционализма обретает качества нормативно-правовой, юридической стабильности*. В основе этих процессов — сочетание юридической стабильности Конституции 1993 года с социокультурной динамикой Основного закона.

Соответственно и ответ на вопрос о том, по какой Конституции живут сегодня россияне — по Конституции XX века или же по современной Конституции XXI века, — лежит в русле *философско-мировоззренческого понимания Конституции как живого организма*, основанного на сочетании формально-юридических и социокультурных, нравственно-этических, национально-исторических начал. С точки зрения философии конституционализма это имеет своей основой заложенную в самой Конституции России 1993 года методологию мировоззренческого плюрализма как важнейшего (конституционно значимого) принципа нормативно-правовой системы организации и функционирования демократической государственности.

Квинтэссенцией методологического плюрализма является реализация на конституционном уровне двух типов правопонимания — позитивизма и естественно-права. Оба они по-своему важны: в системе философско-мировоззренческого восприятия правовой действительности первый, условно говоря, обеспечивает

юридическую стабильность, а второй — социокультурный, исторический динамизм. Речь идет, таким образом, о реализации по этим двум философско-правовым направлениям различных гносеологических установок, имеющих принципиально важное, методологическое значение для сочетания стабильности и динамизма в конституционном развитии.

Конституция РФ 1993 года в полной мере может быть охарактеризована с позиций философско-мировоззренческого плюрализма. Но это не есть свидетельство некой ее мировоззренческой эклектики, в рамках которой естественно-правовой тип правопонимания конкурирует с позитивистским, как бы по аналогии с конкуренцией буквы и духа Конституции.

Вполне уместно вспомнить в связи с этим библейское понимание соотношения внешней (юридической) формы и внутреннего (духовного) начала закона: «Закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин. 1: 17). В Конституции также органично сочетаются эти два начала: а) юридическая энергия, закон как воплощение политической воли законодателя (Моисей в соответствии с Ветхим Заветом есть законодатель-пророк); б) правовой свод духовных ценностей общества, основанный на «благодати», «истине».

При этом уже опыт античной философии свидетельствует, что противоположные социально-философские начала могут быть сведены к такому отношению, когда имеющееся между ними напряжение порождает возникновение нового желаемого качества и достижение положительного, в чем-то, возможно, и неожиданного результата. Таковым применительно к предмету нашего исследования является *преобразовательный процесс развития конституционализма*, в основе которого лежит нахождение оптимального сочетания стабильности и динамизма Конституции как нормативно-правового ядра современного российского конституционализма.

Истоки сочетания стабильности и динамизма — в сущностных характеристиках Конституции

Глубинные истоки качеств Конституции России, определяющих ее «динамическую стабильность», коренятся в ее сущностных характеристиках. При наличии различных подходов к анализу данного вопроса нельзя не признать, что само назначение, действительность Конституции определяются тем, в какой мере она может выполнять назначение политико-правового инструмента согласования несовпадающих интересов различных социальных групп и политических сил общества, правовой базы достижения согласия и гражданского мира. Этим в конечном счете предопределяются основополагающие социально-правовые характеристики Конституции России как своего рода юридического зеркала, отражающего внутреннее состояние духовных сил многонационального народа, и это напрямую связано с пониманием сущности современной российской Конституции.

Не подвергая сомнению различные соображения о сущности данного документа, представляется важным учитывать, что глубинная природа Конституции как политико-правового явления, призванного

¹ Речь У. Д. Бреннана в Университете Джорджтауна. Цит. по: *Лахути Н.* Правила жизни Уильяма Бреннана // *Право.Ru*. 2013. 5 авг.

отражать важнейшие характеристики общества, государства и личности в их соотношении и взаимосвязях, предопределяет необходимость восприятия этого явления во всей его многоплановости и противоречивости, когда сущность Конституции раскрывается посредством реальных общественных отношений, коренится в сложившемся соотношении социальных сил как носителей конституционно значимых для общества политических интересов, социальных ценностей, идеалов и целей. Поскольку эти отношения определяются большой динамикой, политической конкуренцией, борьбой, основное предназначение Конституции состоит в обеспечении согласованного взаимодействия, достижения баланса интересов посредством установления адекватной общественной практике и эффективного механизма разрешения возникающих в обществе на каждом новом этапе его развития социальных, политических, экономических противоречий. *В этом плане именно социальные противоречия лежат в основе сущностных характеристик Конституции*, отражающих в конечном счете как тенденции к стабильности, так и динамику их развития. Более того, и сам процесс конституционного регулирования общественных отношений опосредован этими началами.

В соответствии с этим сама сущность Конституции может рассматриваться как: а) *порождение* глубинных социальных, экономических, политических противоречий, сложившихся на момент ее разработки и принятия; б) *отражение* и в какой-то мере позитивное закрепление, признание этих противоречий как неизбежных, требующих своего разрешения; в) *закрепление* на высшем уровне юридических механизмов преодоления соответствующих противоречий, конфликтов и коллизий, нормативно-правовое моделирование развития общества и государства в соответствии с провозглашенными конституционными целями, признаваемыми ценностями и идеалами.

Данный подход позволяет выявить конституционные истоки стабильности и динамизма, являющиеся отражением состояния реальных общественных отношений как предмета конституционно-правового регулирования. Это тем более важно, если иметь в виду, что новая система социально-правовых ценностей, характерная для Конституции РФ 1993 года, как и сущностные характеристики последней, является итогом сложных, противоречивых процессов не столько согласования несовпадающих интересов, сколько борьбы, дошедшей до военного противостояния различных политических сил на изломе эпох.

С учетом отмеченного не только методология познания сущности Конституции, но и оценка отдельных ее норм и институтов, работающих в современных условиях, существенно отличных от обстановки начала 1990-х годов, с неизбежностью предполагают необходимость сочетания догматического изучения нормативно-правовой, публично-властной составляющей конституционализма, имеющей тенденцию к стабильности правовой формы, с социологическим, историческим, нравственно-этическим, философско-мировоззренческим аспектами исследования соответствующих явлений конституционно-правовой действительности

в их динамике. Только на базе и с использованием соответствующих подходов становятся возможны выявление и оценка внутренних связей, общих закономерностей и социокультурных характеристик Конституции, принятой в одних исторических условиях и работающей, получающей реализацию как юридический акт — в других. Поэтому главный методологический вопрос, возникающий при анализе любой конституционной системы в контексте обновления современного мира, — это культурно-исторический, национально-специфический аспект при оценке и применении механизмов реализации общепризнанных конституционных ценностей.

Социокультурный анализ сущности и регулятивной роли Конституции предполагает необходимость формирования новых подходов, связанных, в частности, с пониманием характера и структуры конституционно-правовых реалий, выявлением ценностного значения отдельных компонентов соответствующей структуры в их диалектическом единстве и противоречивости. Реализация соответствующего методологического подхода, надо полагать, требует не только отказа от отождествления Конституции с ее достаточно стабильным формально-юридическим (текстовым) выражением, но и осмысления того, что лежащие в основе конституционного регулирования характеристики социальных противоречий во многом обусловлены характером, содержанием и сбалансированностью основополагающих социально-правовых ценностей в их конкретном социально-историческом контексте.

При всем многообразии, многоплановости проблематики, охватываемой онтологией Конституции, представляется, что такими «ценностями бытия Конституции», имеющими в системе современного конституционализма, по сути, универсальное значение, являются *власть, свобода, собственность*, которые как раз и представляют собой внутренний источник динамики конституционного развития. Одновременно именно в этом конституционном треугольнике («власть—свобода—собственность») проявляются наиболее значимые социальные, экономические, политические противоречия, определяющие в конечном счете глубинные (сущностные) начала правовой организации общества и государства. Конституция при таком ее измерении может рассматриваться как порождение и своего рода нормативный правовой код разрешения противоречий между властью, собственностью и свободой на основе сочетания стабильности данного политико-правового документа и динамизма самой жизни, изменения ее фактической конституции.

В этих условиях объективно актуализируется проблема выработки новых философско-мировоззренческих основ современного конституционализма, очевидной становится необходимость обогащения догматических методов оценки нормативно-правовой действительности социологическим, историческим, философско-мировоззренческим, нравственно-этическим методами познания сложных, метасистемных по своей природе явлений конституционно-правовой жизни. Только на этой основе становится возможным выявление глубинных внутренних связей, общих

закономерностей и социокультурных особенностей современного конституционализма, в том числе сквозь призму стабильности и динамизма Конституции, включая возможности ее развития, преобразования без изменения самого по себе текста Основного закона.

Ценность юридических свойств Конституции в соотношении с ее социокультурными характеристиками

Раскрывая в ценностном измерении природу Конституции¹, следует учитывать, что не только конкретные конституционные нормы и институты, но и сама по себе Конституция как социально-правовое явление имеет аксиологическое значение. Аксиологические нюансы данного явления были подмечены давно, например, как отмечает тонкий исследователь проблем современного конституционализма Г. Г. Арутюнян, в изданной еще в 1837 году книге конституция характеризуется как «пределительные решения и Провидение Божие»². В этом также отчетливо прослеживается то обстоятельство, что формально-юридические свойства Конституции тесно связаны с ее нравственно-этическими, культурологическими ценностными началами, получающими юридическое выражение в требованиях свободы, равенства, прав человека, государственного единства, веры в добро и справедливость, ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями (Преамбула Конституции РФ). В этом проявляются качества сакральности, святости Конституции.

Социальная ценность права как такового и, соответственно, Конституции РФ, их нормативных свойств связывается, как правило, с обеспечением всеобщего устойчивого порядка, определенности в содержании общественных отношений, возможности нормативно упорядоченных действий человека, оптимального сочетания свободы и справедливости и т. п. Вместе с тем вполне обоснованно говорить и о социальной ценности самих по себе юридических свойств такого уникально-правового явления, как Конституция.

Ценностное значение Конституции РФ 1993 года как юридического акта подкрепляется весьма высоким уровнем ее юридической техники, что проявляется во всех ее основополагающих формально-юридических свойствах, имеющих не только доктринальное значение, но и нормативное подтверждение.

Это, во-первых, *ценность учредительных свойств Конституции*, проявляющаяся во всей полноте ее нормативного содержания, в особенности в гл. 1. Ценность этих свойств связана с утверждением и формированием на основе Конституции новой, основанной на демократических принципах системы российской государственности, созданием организационно-правовых, институциональных и иных механизмов реализа-

¹ См. подробнее: Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. 2-е изд., доп. М.: Юрист, 2014. С. 49–72. (Сер. «Библиотечка судебного конституционализма»; Вып. 2).

² См.: Арутюнян Г. Г. Гарантии реализации основополагающих конституционных ценностей на уровне государственной политики и в общественной практике // Конституционное правосудие в новом тысячелетии: междунар. альманах. Ереван, 2008. С. 28.

ции этой системы на практике. В этом плане Конституция 1993 года явилась своего рода основой легитимации правового статуса многонационального народа как единственного источника власти в России, носителя суверенитета (ч. 1 ст. 3, ч. 1 ст. 4).

Во-вторых, *ценность верховенства Конституции РФ*, что предполагает ее особое место и значение как исходного и главенствующего источника всего национального законодательства, единого и универсального свода основополагающих ценностей для всего многонационального народа России и входящих в его состав этносов на всей территории страны (ч. 2 ст. 4). Важно при этом учитывать, что в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ³ верховенство Конституции проявляется в органическом единстве с общепризнанным принципом верховенства права, положенным в основу всего содержания Конституции РФ.

В-третьих, *ценность высшей юридической силы Конституции РФ*, что предполагает ее активную системообразующую роль, обеспечение на основе Конституции строгой правовой иерархии, имея в виду, что ни один правовой акт, входящий в состав правовой системы Российской Федерации, не может противоречить Конституции (ч. 1 ст. 15). Более того, аксиологическое значение данного юридического свойства Конституции лежит фактически в основе института конституционно-судебного нормоконтроля: ведь законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции РФ (ч. 1 ст. 15), а те акты или их отдельные положения, которые признаны неконституционными, утрачивают силу без всяких дополнительных условий и процедур (ч. 5 ст. 125).

В-четвертых, *ценность прямого действия Конституции* означает в конечном счете признание ее юридической самоценности независимо от степени конкретизации в текущем законодательстве, так как конституционные нормы являются непосредственным регулятором общественных отношений, определяют способы правореализационного процесса, включая соблюдение, исполнение, использование и правоприменение (ч. 1 ст. 15). Аксиология данного свойства усиливается и тем, что посредством прямого действия Конституции обеспечивается в итоге *признание прав и свобод человека и гражданина как непосредственно действующих* (ст. 18).

В-пятых, несомненные аксиологические начала заложены в таком свойстве Конституции, как *сочетание юридической стабильности и социокультурного динамизма*. Нормативно-правовым эквивалентом этих качеств Конституции являются прежде всего ст. 134–137 во взаимосвязи, в частности, со ст. 125, а также со ст. 76, 80 Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ, раскрывая смысл основополагающих формально-юридических свойств Конституции РФ, неоднократно указывал на то, что она является конституирующим актом в отношении всей право-

³ См., напр.: Постановления КС РФ: от 21 января 2010 г. № 1-П // СЗ РФ. 2010. № 6. Ст. 699; от 19 июля 2011 г. № 17-П // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. 2). Ст. 4699; от 22 апреля 2013 г. № 8-П // СЗ РФ. 2013. № 18. Ст. 2292; от 2 июля 2013 г. № 16-П // СЗ РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

вой системы государства, включая конституции (уставы) субъектов Российской Федерации — их учредительный характер обусловлен учредительным характером Конституции РФ¹; верховенство, высшую юридическую силу и прямое действие имеют все и каждое положение Конституции РФ². При этом Конституционный Суд РФ, обладая возможностями «оживлять» Конституцию, развивать ее без изменения текста, в то же время не вправе проверять конституционность самой Конституции ни по каким параметрам³. Вместе с тем Конституционным Судом РФ активно задействуется аксиологический потенциал собственно конституционных норм для формирования правовых позиций по конкретным делам и разрешения конституционно-правовых споров, прежде всего это касается ценностей, выраженных в основах конституционного строя (гл. 1 Конституции РФ).

При этом для устойчивого, эффективного конституционно-правового развития России одинаково опасны как недооценка социокультурных начал Конституции, так и игнорирование ее формально-юридических характеристик как нормативного правового акта, обладающего высшей юридической силой.

Принятие Конституции РФ 1993 года знаменовало собой не только преодоление глубокого конституционного кризиса, но и выработку некой матрицы, идеальной, устремленной в будущее модели развития демократической правовой государственности. Именно будущее — место «прописки» конституций, принимаемых на изломе социально-политических эпох, что в полной мере характерно и для действующей Конституции России. При этом надо отдавать отчет, что всякая такого рода конституция, которая, по образному выражению А. Шайо, «бредит будущим», может стать и «совершенно непригодной для решения своей реальной функциональной задачи — защитить общество и его граждан от государственной власти»⁴. Ведь конституция как юридический документ, закрепляющий идеальную (желаемую для господствующих политических сил) модель организации общества и государства, неизбежно сопряжена с конфликтом должного и сущего, в основе чего лежат, как

правило, завышенные социальные ожидания и политические иллюзии. В этом проявляется социально-психологический феномен конституционной мифологии как искаженной, основанной на завышенных ожиданиях системы мировоззренческих идей, взглядов, оценок социальной действительности политических сил, стремящихся к завоеванию власти.

Однако понимание Конституции в качестве некоего правового идеала не должно вводить в заблуждение относительно ее практической, операционной значимости, что обеспечивается во многом благодаря формально-юридическим свойствам Конституции как Основного закона государства и общества. При этом эффективность конституционно-правового регулирования во многом определяется заложенными в самой Конституции механизмами согласования конституционно-правового должностования и социальной реальности, нахождения гармонии формально-юридических и социокультурных начал Конституции.

Таким образом, история конституционализма и самой конституции убедительно свидетельствует о том, что в Основном законе как социоисторическом явлении находят свое воплощение, с одной стороны, всеобщие, космополитические начала, отражающие общие принципы (стандарты) не только права, но и нравственности современного общества, а с другой — конституция каждого конкретного государства, безусловно, выступающая в качестве явления национально-исторического, самобытного. Соответственно, развитие конституции обеспечивается во многом именно на основе взаимного обогащения сложившихся в различных национальных традициях представлений о праве, юридических и иных социальных ценностях, что наиболее ярко, зримо проявляется в настоящее время через сближение, взаимопроникновение континентальной системы права, к которой относится и Россия, и системы общего права. В этом плане и само понятие «живого» конституционализма, как и «живой» конституции, вполне может рассматриваться как результат диалога современных правовых культур.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 13-П // СЗ РФ. 2003. № 30. Ст. 3101.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 января 1998 г. № 1-П // СЗ РФ. 1998. № 3. Ст. 429.

³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 1 апреля 1996 г. № 13-О // Архив КС РФ. 1996.

⁴ См.: Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М.: Юрист, 2001. С. 12.